

З. А. МАРДАНОВА
(Северо-Осетинский государственный
университет им. К. Л. Хетагурова;
Институт истории и археологии РСО —
Алания, Владикавказ)

«НОВАЯ ЖЕНСКАЯ ЛИТЕРАТУРА» КАК СОБЫТИЕ МОЛОДЕЖНОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1968 ГОДА

Появление «новой женской литературы» тесно связано со второй волной феминистского движения конца 1960–1970-х годов, развитие которого проходило в амбивалентной ситуации размежевания с леворадикальным молодежным протестом, частью которого оно являлось. Рассмотрение этого историко-литературного явления в двойном контексте его возникновения позволяет в известной мере обнаружить некоторые типологические черты, но в еще большей степени охарактеризовать обстоятельства, сделавшие возможным само событие «новой женской литературы», изменившее конфигурацию литературного поля и отчасти поля политического.

Пишущие женщины известны с давних времен; порой имена писательниц попадали в литературную историографию, которая — в еще более редких случаях — включала в себя женщин-исследовательниц, таких как, к примеру, Кристина Туайон (1878–1928), первая в Австрии женщина — историк литературы с докторской степенью. Она была соиздательницей феминистского журнала «Neues Frauenleben» (1902–1918), печатного органа «Всеобщего женского союза Австрии», являвшегося частью буржуазного женского движения, автором основополагающего труда «Немецкий женский роман XVIII века» (1919), в котором подробно рассмотрела более 200 произведений около 40 писательниц, правда, ее исследовательский подход мало отличался от традиционного «мужского» взгляда на женскую литературу. Развертывание женского движения, появление феминистских печатных изданий и женщин-экспертов (читательниц, журналисток, издательниц, литературных критиков, преподавателей), т. е. формирование общественного пространства женщин, способствовало значительному увеличению числа пишущих женщин, но какого-либо «великого потрясения поля» литературы [Бурдые 2005: 382] не вызвало. Утвердившееся в последней

трети XVIII века эссенциалистское представление о «поляризации 'характеров полов'» [Hausen 1976], сохранившее свою силу вплоть до середины XX века, закрепило в соответствии с «обнаруженными» сущностными качествами, свойственными определенному полу, пространство «общественного» за мужчиной, который *по природе своей* отличается рациональностью и активностью, а за женщиной, которой свойственны — опять же в силу *природного* ее предназначения — эмоциональность и пассивность, — сферу «частного», «домашнего» [Hausen 1976: 375–378]. Поляризация полов закономерным образом сопровождалась усилением иерархизации «мужского» и «женского», а если принять во внимание, что дискурс «женского» формировался не только под влиянием эмансипационной риторики первого («исторического») женского движения, но и — научных концепций об «истинной сущности» женщины, представленных такими знаковыми теоретическими изысканиями, как книга Отто Вейнингера «Пол и характер» (1902), «Исследования истерии» З. Фрейда и Й. Брейера (1895) и провокационная работа Пауля Юлиуса Мёбиуса «Физиологическое слабоумие женщины» (1900), то сохранение «мужского господства», интериоризация патриархального контроля выглядит вполне закономерным результатом. Основанный на жесткой фиксированной полоролевой модели авторитарный контроль, осуществляемый мужчинами (доминирующей социальной группой) над производством литературных текстов и их рецепцией социально более слабой группы пишущих женщин — «новичков» литературного поля, Барбара Беккер-Кантарино, исследовательница исторической (до 1970-х гг.) «женской литературы», назвала «цензурой пола» [Becker-Cantarino 1995: 89]. Инструментом подобной цензуры выступал ярлык «женская литература», ограничивавший пространство действия женщин-авторов нишей дозволенного. Легитимный вид писательства при этом — создание литературы «для женщин», поддерживающей и репродуцирующей «естественное» разделение полов, сама возможность *женского* авторства зависела от степени приспособления к культивируемой в определенном историческом контексте модели феминности [Hilmes 2004: 50–51].

Чем же можно объяснить, что понятие «женская литература», сопровождаемое шлейфом негативных ассоциаций, становится «боевой концепцией» второго женского движения 1960–1970-х годов, призванной разрушить «цензуру пола», утвердить субъектный статус женщины, создать пространство осмысления *собственной* (женской) истории и репрезентации *собственного* (женского) мировосприятия? [Weigel 2002: 118–121; Weigel 1987: 47–52]. Введение определения «новая женская литература», указывающего на некое противопоставление *традиционной* «женской литературе», не отменяет проблематичности использования понятия, которое относится к так называемым подозрительным классификациям («suspect

classification») [Starr 1992: 159–174], основанным на социальных категориях — этнической принадлежности, расы или гендера. Применение любого понятия, основанного на признании (явном или скрытом) иерархических различий, ведет к тому, что американский правовед и феминистка Марта Миноу назвала «дилеммой различия», согласно которой игнорирование различия подчиненных групп приводит к «ложной нейтральности» [Minow 1985: 159], а фокусирование внимания на аспекте различия ведет к усилению стигматизации «отклонения» недоминантных групп. В случае с «женской литературой» дилемма различия проявляется в том, что, с одной стороны, введение специального понятия позволяет вычленивать из общего литературного процесса художественную практику писательниц, сделать их «видимыми», подключить к восприятию дополнительные рецепторы, реагирующие на те особенности, свойства и нюансы, которые в противном случае остались бы незамеченными или же воспринимались как незначительные и случайные, а с другой — заключает их в своего рода «гетто», границы которого вычленивают «свое» пространство женского творчества.

Что же позволило молодым женщинам-авторам «выйти из гетто» и занять в литературном поле литературы место настолько заметное, что влиятельные институты литературной жизни — издательства, литературная критика, академические «истории литературы» — вынуждены были с разной степенью благоволения признать появление «новой женской литературы» одним из важнейших событий «революции 1968 года»? Для ответа на этот вопрос обратимся к обозначенному выше социокультурному контексту возникновения «новой женской литературы».

«1968 год» стал «символом и шифром» [Stadler 2010] целого комплекса событий «долгих шестидесятых» (1958–1974), именуемых — в зависимости от версий и оценок — социальным или протестным движением, бунтом, конфликтом поколений, восстанием или же революцией [Kraushaar 2008: 50–51]. Использование уточняющих определений (*молодежная революция, студенческое движение*) указывает на поколенческий разрыв как одну из основных характеристик событийного процесса. В известной степени и определения, включающие понятия «нового» (движение «*новых левых*», «*новое женское движение*»), предполагают в качестве основополагающего принципа размежевание с предшествующим и предшественниками.

В традиционное понимание революции протестные движения конца 60–70-х годов вписываются с трудом, если учитывать отсутствие централизованных политических партий, смены власти, политического режима, политической системы (что при популярном лозунге бунтующей молодежи — «*Вся власть воображению*» — в любом случае осуществить было бы затруднительно). Понятие «революция» тем не менее используется для определения событий 1968 года, чтобы подчеркнуть присущий им «потенциал разруши-

тельного воздействия на систему» [Malinowski, Sedlmaier 2008: 185]. К тому же «движение 68 года» вполне отвечает *современному* пониманию революции, для которого определяющим является «соединение идеи свободы» с «пафосом новизны» [Арендт 2011: 39]. Политолог и историк В. Краусхаар, бывший активист «1968 года», в качестве сущностной характеристики «бурных 60-х» выделил стремление к «радикализации, обновлению и дифференциации» [Kraushaar 2001: 14].

«Новая женская литература» как феминистский проект зарождающегося в это же время и в том же контексте автономного женского движения, несомненно, вобрала в себя эти «родовые черты» молодежной революции. «Новоженская литература» определяется стратегией разрыва, которая в феминистской литературной критике определяется триадой «пересмотр — перечитывание — переписывание» (Re-Vision — Re-reading — Re-writing), а наиболее явственно проявляется в принципиальной демифологизации «женственности».

Революция 1968 года, которая начиная с 90-х годов рассматривается преимущественно как событие всемирного масштаба, вобрала в себя множество движений в локально-национальных и транснациональных вариантах: движение за гражданские права, антивоенное, антиавторитарное, студенческое движение, контркультурные молодежные движения «битников» и «хиппи», но при всем этом разнообразии нельзя отрицать наличия некоего общего теоретического ядра, складывающегося преимущественно из идей и установок «новых левых» [Gilcher-Holtey 2001: 11–24; Schmidtke 2003:16–17].

Не претендуя на полноту изложения и соблюдение иерархии основных положений, выделим те из них, которые оказались наиболее значимыми для развивающегося «нового женского движения», наиболее приближенными культурно-социальному контексту «новой женской литературы», как события «революции 1968 года».

Как известно, линия размежевания между «старыми» и «новыми» левыми проходит в вопросах, касающихся *трех моментов*:

- необходимости «нового анализа общества»;
- выдвигения «нового субъекта революции»;

— использования «новых стратегий трансформации» [Schmidtke 2003: 54].

Развитое индустриальное общество в критическом осмыслении Герберта Маркузе, одного из признанных бунтующей молодежью идеологов «новых левых», получает название «одномерного общества», которое характеризуется как тоталитарная социальная репрессивная машина, осуществляющая контроль над всеми сферами общественной жизни, определяя не только «социально необходимые профессии, умения и установки», но и «индивидуальные потребности и устремления» [Маркузе 1994: 4]. Развитое индустриальное общество не только успешно внедряет в

сознание потребителя «культурной индустрии» *ложные* потребности (т. е. те, которые, в определении Маркузе, «навязываются индивиду особыми социальными интересами в процессе его подавления» [Маркузе 1994: 6]), но и осуществляет «успешное удушение тех потребностей, которые требуют освобождения» [Там же: 10]. *Анализ общества* с позиций «новых левых» основывается на марксистском понятии «отчуждения», причем не только в области экономической (*отчуждение труда*), но и во всех остальных сферах человеческой жизни, включая сферу частной жизни, поскольку, в соответствии с «новым левым» убеждением, изменению подлежат, помимо, разумеется, авторитарных и иерархических социальных институтов, и соответствующие ментальные установки и культурные предпосылки, на основе которых выстраиваются эти институты.

В отличие от «старых» левых, «новые» направляют свою критику не столько против классового господства, сколько против *истеблишмента* [Schmidtke 2003:17], к которому студенческое крыло «новых левых» причисляло не только государственные инстанции, но и всех тех, кто приспособился к «господствующей системе», принял все ее условности. Новые властные элиты осуществляют свое господство, опираясь не на насилие, а на более тонкие манипулятивные технологии индустрии культуры. Охраняемая истеблишментом система фигурирует в леворадикальном дискурсе как «одномерное общество», в котором благодаря развитию технологий поддерживается рост материального потребления и поглощается — «интегрируется» (Маркузе) — любая форма оппозиции и протеста. Основной стратегией преодоления «одномерности» мышления и существования в современном высокоразвитом индустриальном обществе становится «Великий отказ», еще одно маркузианское понятие, вошедшее в основной понятийный репертуар «новых левых» — тотальное отрицание, «протест против существующего» [Маркузе 1994: 82]. В своем знаменитом «Эссе об освобождении», написанном после 1968 года, после непосредственного общения Маркузе с революционными студентами обоих континентов, он дает более детальное определение «Великого отказа» как специфической политической практики, требующей «разрыва с привычным, с рутинными способами видеть, слышать, чувствовать и понимать вещи» [Marcuse 1969a: 19].

Феминистский протест новой волны развивался в том же леворадикальном ключе, с тем лишь отличием, что «женский вопрос», традиционно воспринимаемый как «старыми», так и «новыми левыми» в качестве «второстепенного противоречия», является здесь ключевым, причем речь идет не только о проблематизации положения женщин, но и о понимании неравенства полов как конститутивного элемента неравенства вообще. Критический анализ современного общества в феминистском понимании всегда сопровождается выявлением механизмов патриархального насилия. К трем традицион-

ным объектам леворадикальной критики — фашизму, капитализму и империализму [Kraushaar 2001: 15] — добавляется патриархат как основная иерархическая структура, порождающая «жажду уничтожения другого» (фашизм) [Bachmann 1987: 422], экономический порядок, базирующийся на эксплуатации и социальной несправедливости, в том числе и за счет разделения труда по признаку пола (капитализм), порабощение стран третьего мира, опирающееся на режим расовой и этнической дискриминации (империализм).

Выдвижение в противовес рабочему классу, традиционной опоре «старых левых», утратившему в позднекапиталистическом обществе — в силу своей полной «интегрированности» в систему (Маркузе) — свой революционный потенциал, «нового субъекта революции» придало особый импульс развитию «нового женского движения» и определенным образом способствовало успешному вхождению женщин-авторов в поле литературы. Субъектом революционных преобразований были признаны те общественные силы, которые, в определении Маркузе, «представляют потребности и цели, подавленные в существующем антагонистическом целом и не могущие развиться в нем» [Marcuse 1969b: 198], — аутсайдеры, маргиналы, молодые интеллектуалы и диссиденты, а впоследствии, в результате активизации женского движения, отрицающего «ценности и цели патриархального общества» (Маркузе), таковыми были признаны и женщины. Знаменитая фраза социолога-феминистки Карин Шрадер-Клеберт «Женщины — это негры всех народов и коллективной истории» [Schrader-Klebert 1969: 16], с одной стороны, была полемическим высказыванием, направленным на пробуждение в женщинах желания «прейти из статуса жертвы и объекта в статус действующего субъекта» [Ibid.: 1–2], с другой — подчеркивала статус «женского» как «исключенного», маргинального, «неинтегрированного» господствующим порядком.

Использование «новых стратегий трансформации», которые «новые левые», в отличие от «старых», связывают не с захватом политической власти, а прежде всего с развитием критического сознания, с изменением общественных ценностей, установок, представлений и моделей поведения [Schmidtke 2003: 54–55], включает в сферу политического частную жизнь. Такое расширенное понятие политики, в феминистском контексте ставшее лозунгом «Личное — это политическое», в преломлении литературного поля оборачивается концепцией «смены тенденции», которая в современной истории немецкоязычной литературы рассматривается двояко: как принципиальный отход от политизированной литературы 1960-х в «сугубую приватность» [Maueg 1979: 127] литературы «новой субъективности» 1970-х годов, или же как развитие другого типа политической литературы. Литература «новой субъективности» рассматривается в этом случае как литература «политической саморефлексии» [Цит. по: Kreppel 2009: 40]. В «женском» варианте подобное самоосмысление осложняется тем, что Криста Вольф назвала трудностью «сказать 'я'» [Wolf 1973: 187]. В культовой для «новой женской литературы» книге Верены Штефан «Линька» (“Häutungen”, 1975) процесс

самоосознания показывается как мучительное, оставляющее клочки «старой кожи» освобождение от навязанных стереотипов и моделей поведения. Австрийский вариант подобной «литературы самопознания» — роман Бригитты Швайгер «Откуда в море соль» («Wie kommt das Salz ins Meer», 1977). Это тоже история тягостного выхода из «одномерного» существования, но здесь нет прорыва к новой субъектности вплоть до лесбийского сценария освобождения репрессированного «женского», как у Штефан. История героини Швайгер, которая начинается со свадьбы, оставляющей у «счастливой» невесты ощущение суестьи и некое странное, не находящее определения чувство, и завершается разводом, который неожиданным образом пробуждает в разведенной супруге нежные чувства к теперь уже бывшему мужу, казалось бы исчезнувшие под давлением буржуазного брака, отсылает к знаменитой книге Бетти Фридан «Загадка женственности» («The Feminine Mystique», 1963), где «проблеме без названия», неопределенному, но глубокому чувству (само)отчуждения, дается определение — это «миф о женском предназначении». Но если в ироничном повествовании Швайгер, где самим названием (в виде детского вопроса) задается тональность наивно-детского вопрошания, для которого не существует догмата самоочевидности, все еще сохраняется некое ощущение внутренней свободы, то в романе Эльфриды Елинек «Любовницы» («Die Liebhaberinnen», 1975), хотя и не сразу, но вошедшем в «новоженский» литературный канон, женские персонажи лишены внутреннего измерения; в них произошло, говоря словами Маркузе, «успешное удушение тех потребностей, которые требуют освобождения» [Маркузе 1994: 10], и полная идентификация с «мифом о женственности», с традиционным представлением о «природном» женском предназначении и предопределении. Особая тема в «новой женской литературе» как феминистском проекте, направленном на обретение женщинами «собственного голоса», — проблема женского авторства и письма. Марлен Хаусхофер в романе «Стена» («Die Wand», 1963), заново открытом феминистской критикой в 1970-е годы, помещает свою героиню в постапокалиптическую ситуацию полной изоляции — лишь в этом случае оказывается возможным «пробуждение сознания», заставляющее осмыслить происходящее в процессе письма. Традиционная тема «трудного авторства» женщин в романе Ингеборг Бахман «Малина» («Malina», 1971) получает радикальное воплощение (чтобы писать, надо убить в себе «женское»), сравнимое по остроте решения, возможно, с тем, что предлагает Эльфрида Елинек в рассказе-гротеске «Заведомо бессмысленная попытка описания пейзажа» («Das im Prinzip sinnlose Beschreiben von Landschaften», 1980), в короткой истории о Еве и ее муже Демпси, чье имя не случайно отсылает читателя к знаменитому боксеру, чемпиону мира, поскольку муж ударами кулака препятствует попыткам супруги описать окружающий ландшафт для заказанного ей рассказа в юбилейный номер журна-

ла, отчего та падает в реку и «становится частью пейзажа» [Елинек 1997: 114] (более точный перевод — «сливается с природой» [Jelinek 1980: 8]). Отождествление «женского» и «природного» становится здесь реализованной метафорой.

При всем разнообразии фигураций *женского* в «новой женской литературе», формирующейся в двойном контексте молодежной революции 1968 года и развивающегося феминистского движения, ассоциируется оно прежде всего с предельно радикальной позицией, предполагающей осуществление глубинных трансформаций не только в сфере «общественного», но и в сфере «частного». «Потенциал отличительности» [Гронас 2000: 6], который не только способствует вхождению молодых женщин-авторов в литературное поле, но и позволяет им занять там заметное место, заложен в принципиальной для художественной практики нового поколения писательниц проблематизации *фемининного*.

Литература

- Арендт 2011 — *Арендт Х.* О революции. М., 2011.
- Бурдые 2005 — *Бурдые П.* Социальное пространство: поля и практики. М.; СПб., 2005.
- Гронас 2000 — *Гронас М.* «Чистый взгляд» и взгляд практика: Пьер Бурдые о культуре // Новое Литературное Обозрение. 2000. № 25. С. 6–21.
- Елинек 1997 — *Елинек Э.* Заведомо бессмысленная попытка описания пейзажа. В связи с одним юбилеем // Нева. 1997. № 6. С. 111–114.
- Маркузе 1994 — *Маркузе Г.* Одномерный человек. Исследование идеологии развитого индустриального общества. М., 1994.
- Фридан 1994 — *Фридан Б.* Загадка женственности. М., 1994.
- Bachmann 1987 — *Bachmann I.* Der Fall Franza // Bachmann I. Ausgewählte Werke in drei Bänden. Bd. III. Berlin; Weimar, 1987. S. 360–490.
- Becker-Cantarino 1995 — *Becker-Cantarino B.* Geschlechtszensur. Zur Literaturproduktion der deutschen Romantik // Zensur und Kultur. Zwischen Weimarer Klassik und Weimarer Republik mit einem Ausblick bis heute. Tübingen, 1995. S. 87–98.
- Gilcher-Holtey 2001 — *Gilcher-Holtey I.* Die 68er-Bewegung. Deutschland, Westeuropa, USA. München, 2001.
- Hausen 1976 — *Hausen K.* Die Polarisierung der „Geschlechtscharaktere“ — Eine Spiegelung der Dissoziation von Erwerbs- und Familienleben // Sozialgeschichte der Familie in der Neuzeit Europas. Stuttgart, 1976. S. 363–393.
- Hilmes 2004 — *Hilmes C.* Skandalgeschichten. Aspekte einer Frauenliteraturgeschichte. Königstein; Taunus, 2004.

- Jelinek 1980 — *Jelinek E.* Das im Prinzip sinnlose Beschreiben von Landschaften // Manuskripte. 1980. H. 69/70. S. 6–8.
- Kraushaar 2001 — *Kraushaar W.* Denkmodelle der 68er-Bewegung // Politik und Zeitgeschichte. Beilage zur Zeitung „Das Parlament“. 2001. Nr. 22–23. S. 14–27.
- Kraushaar 2008 — *Kraushaar W.* Achtundsechzig. Eine Bilanz. Berlin, 2008.
- Kreppel 2009 — *Kreppel J.* „In Ermangelung eines Besseren“?: Poetik und Politik in bundesrepublikanischen Gedichten der 1970er Jahre. Köln; Weimar, 2009.
- Malinowski, Sedlmaier 2008 — *Malinowski S., Sedlmaier A.* Keine Richtige Revolution in der falschen. „1968“ als Avantgarde der Konsumgesellschaft // 68er Spätlese — was bleibt von 1968? Münster, 2008. S. 183–209.
- Mayer 1979 — *Mayer H.* Literatur im geteilten Deutschland // Schriftsteller und Politik in Deutschland. Düsseldorf, 1979. S. 115–129.
- Marcuse 1969a — *Marcuse H.* Versuch über die Befreiung. Frankfurt a. M., 1969.
- Marcuse 1969b — *Marcuse H.* Ideen zu einer kritischen Theorie der Gesellschaft. Frankfurt a. M., 1969.
- Minow 1985 — *Minow M.* Learning to Live with the Dilemma of Difference: Bilingual and Special Education // Law and Contemporary Problems. 1985. Nr. 48. P. 157–211. (Available at: <https://scholarship.law.duke.edu/lcp/vol48/iss2/6>)
- Schmidtke 2003 — *Schmidtke M.* Der Aufbruch der jungen Intelligenz: die 68er Jahre in der Bundesrepublik und den USA. Frankfurt a. M.; New York, 2003.
- Schrader-Klebert 1969 — *Schrader-Klebert K.* Die kulturelle Revolution der Frau // Kursbuch 1969. Jg. 17. S. 1–46.
- Stadler 2010 — *Stadler F.* Das Jahr 1968 als Ereignis, Symbol und Chiffre gesellschaftlicher und wissenschaftlicher Konfliktzonen // Das Jahr 1968 — Ereignis, Symbol, Chiffre. — Göttingen, 2010. S. 9–19.
- Starr 1992 — *Starr P.* Social Categories and Claims in the Liberal State // How Classification Works: Nelson Goodman Among the Social Sciences. Edinburgh, 1992. P. 159–174.
- Weigel 1987 — *Weigel S.* Die Stimme der Medusa: Schreibweisen in der Gegenwartsliteratur von Frauen. Duermen-Hiddingsel, 1987.
- Weigel 1992 — *Weigel S.* „Konstellationen, kleine Momentaufnahmen, aber niemals eine Kontinuität“. Ein Gespräch über Literaturwissenschaft und Literaturgeschichtsschreibung // Bildersturz im Elfenbeinturm: Ansätze feministischer Literaturwissenschaft. Tübingen, 1992. S. 116–133.
- Wolf 1973 — *Wolf Ch.* Nachdenken über Christa T. Berlin und Weimar, 1973.

ZUSAMMENFASSUNG**„Neue Frauenliteratur“ als Ereignis der
Jugendrevolution von 1968**

Die „Neue Frauenliteratur“ wurde als das feministische Projekt der zweiten Welle der Frauenbewegung betrachtet, die sich im Prozess der Anlehnung und Abgrenzung von den linksradikalen Protestbewegungen der „langen 1960er“, auch „Jugendrevolution“ genannt, entwickelte und den schreibenden Frauen neue Möglichkeitsräume eröffnete. Das Unterscheidungsmerkmal neuer Literatur von Frauen liegt dabei in einer radikalen Problematisierung des Weiblichen, das in den Werken der Autorinnen ganz verschiedene Figurationen annimmt.